

«...Папирос дайте!» часть 2

2009-06-03 19:20:34

В ноябре 1924 года вышли в свет первые три номера стенной газеты табачников 1-й государственной фабрики им. тов. Урицкого (сохранились до сих пор, хотя и стенные). В 1925 году газета была переименована в «Табачник Урицкого», в 1926 году не выходила вовсе, а в 1927 году стала называться «Красная табачница».

После нескольких лет застоя в табачной промышленности в 1920-е годы началось оживление частного предпринимательства, что способствовало насыщению рынка табаком - поначалу, правда, одной махоркой. На прилавках петроградских магазинов стало появляться курево московского и ростовского производств. Постепенно встали на ноги и задымили фабрики им. Урицкого и Клары Цеткин, год от года увеличивавшие объемы производства. В 1925 году фабрика им. Урицкого превысила объем производства на «Лаферме» 1913 года.

В 1926 году возобновился экспорт табака в Финляндию. Так называемый «сигарный» табак, культивированный в Автономной социалистической советской республике Немцев Поволжья, поставлялся в Ленинград, и здесь его доводили «до ума» - готовили для продажи финским крестьянам для изготовления ими жвачки и трубочного табака.

Что же до самих трубок, то и они стали достоянием прошлого. Их никто не делал, да и мало кто курил. Ностальгией пронизаны строки И. Г. Эренбурга в одном из рассказов цикла «Тринадцать трубок»: «Трубку содержал в должном виде, счищая перочинным ножом нагар, вытирая дерево старым носком, оставшимся после давней стирки во вдовстве и служившим для многих посторонних целей. Трубка обкурилась, утратив элегантность, приобрела солидность, добротность».

Перечисленные качества - солидность, добротность принадлежали прежней жизни...

В 1928 году на фабрике им. Урицкого были установлены самые совершенные по тем временам папиросонабивные и папиросоукладочные машины, а на фабрике Клары Цеткин в том же году впервые в советской практике было налажено производство сигарет, которые, правда, еще долгие годы не будут пользоваться спросом.

Снабжение Ленинграда табачными изделиями, да и не только ими, было куда лучше, чем других городов страны, не говоря уже о глубинке, откуда народ периодически наезжал в столицы, в частности, и за табаком; однако когда в конце 1920-х годов частника, основного поставщика сырья в эпоху НЭПа, вновь объявили вне закона (и уже навсегда), ситуация в целом по СССР стала безрадостной, как намокшая сигарета. Табака постоянно не хватало, и в него подмешивали суррогаты: хмель, бадыль (растительный стебель, часть волокон которого сильно одеревенела), кукурузный лист. Постепенно к концу 1930-х годов удалось наладить работу больших табаководческих хозяйств в южных регионах СССР (на Украине, Северном Кавказе, в Средней Азии). К тому времени в табачную промышленность стали вкладываться значительные средства, и это дало возможность выпускать не только [папиросы](#), курительный табак, но и сигареты, и даже [сигары](#) (что советскому человеку, в общем-то, не к лицу, ибо [сигара](#), если верить художникам единственного в СССР русскоязычного юмористического журнала «Крокодил», - непременная принадлежность буржуа). Наркомпищепрому приходилось денно и нощно следить, какую продукцию производят на фабриках, ибо там старались сбыть некачественное курево, и главным образом это касалось папирос.

В 1930-е годы прекратила свою деятельность фабрика А. Н. Богданова. После 1917 года там еще

Табак и сигареты

«…Папирос дайте!» часть 2

какое-то время выпускали табачные изделия, а потом на ее производственных площадях разместилась фабрика «ТЭЖЭ», где витали совсем иные запахи - парфюмерные. В 1937 году она была переименована в 4-ю парфюмерную фабрику, а в 1982 году стала комбинатом «Северное сияние».

Между тем, в центральной печати в начале 1930-х годов появилось большое число публикаций, в которых восхвалялись новинки табачного рынка, и прежде всего ленинградских фабрик. Вот, например, что говорилось о «безмундштучных папиросах» (т. е. сигаретах), перейти на которые ленинградцы не спешили: «Они имеют бесспорные преимущества перед мундштучными папиросами: портативны, имеют большую курку, - следовательно, обладают большей насыщаемостью для курильщиков; более гигиеничны, так как все процессы их производства полностью механизированы; они более транспортабельны благодаря занимаемому ими меньшему объему... Правда, испокон веков у нас курят мундштучные папиросы. Но, с одной стороны, умело составленная реклама, а с другой стороны - большая гибкость нашей товаропроводящей сети создадут необходимые условия для появления спроса на безмундштучные папиросы. Кроме того, советский курильщик настолько уже культурно вырос, что сам очень быстро ориентируется во всех преимуществах сигарет, в совершенной ненужности бумажного мундштука, который с успехом можно заменить постоянным дешевым деревянным мундштуком». Пользоваться популярностью сигареты будут только после войны, в 1950-е годы.

В 1920-1930-х годах табаком занялся известный русский селекционер, заядлый курильщик Иван Владимирович Мичурин (1855-1935), недовольный тем, что советские люди курят самосад. Ученый стал культивировать некоторые сорта табака в северных широтах, и это ему блестяще удалось. Кроме того, он изобрел бытовую машинку для резки табака. Его изобретение пользовалось в СССР успехом долгие годы. В последние годы жизни Мичурин курил только свой табак. Он также является автором нескольких научных статей о культивировании табака. Интересующихся отсылаем к его полному собранию сочинений 1934 года, а не к школьным учебникам, где он представлен как автор гибрида яблони и груши.

В 1930-1940-е годы в Ленинграде производились папиросы «Ракета», «Норд», «Пушки», «Дели», «Красная звезда», «Спорт», «Парашютист», «Селям», «Казбек». В знаменитом стихотворении Владимира Агатова «Шаланды, полные кефали...» есть и такие строки:

Тогда достав «Казбека» пачку, сказал ей Костя с холодком: «Вы интересная чудачка, но дело, видите, не в том...»

Эти строки впервые спел Марк Бернес (курильщик) в фильме «Два бойца».

Главный курильщик СССР И. В. Сталин набивал трубку табаком, который сам извлекал из дорогих папирос «Герцеговина Флор», являя собою, надо заметить, дурной пример для физкультурников, ибо был их лучшим другом. Однажды он уснул, забыв погасить трубку, но на помощь пришла жена. Трудящиеся страны Советов о происшествии ничего не узнали, как не знали вообще ни о каких происшествиях, ибо руководство страны происшествий не любило.

В 1932 году на базе фабрики им. Урицкого был создан Ленинградский учебный комбинат табачной промышленности со ВТУЗОМ, техникумом и рабфаком. Во ВТУЗЕ готовили инженеров-технологов, в техникуме -техников-регулирующих. Выпускники этих заведений со временем стали начальниками цехов, бригадами.

В связи с постоянными изменениями государственной структуры управления, или, лучше сказать, полнейшей неразберихой и в этой области, отличавшей советское время, фабрику Клары Цеткин передавали из одного ведомства в другое. В 1936 году она стала называться Ленинградской табачной

Табак и сигареты

«…Папирос дайте!» часть 2

фабрикой имени Клары Цеткин. За несколько лет до этого эпохального, но, в общем-то, ничем не примечательного события, в 1933 году, была произведена реорганизация фабричного управления, вследствие чего административный аппарат сократился на 30 человек и усилилось единоначалие. К 1934 году на фабрике была сформирована вертикальная система управления. Доведись дожить до этих печальных времен Е. Н. Шапошниковой, ее бы никто не спросил, как так получалось, что под ее началом фабрика работала как часы, постоянно наращивая объемы производства и улучшая качество и ассортимент продукции.

На фабрике Клары Цеткин сохранялись машины образца начала XX века, однако они были столь надежны, что позволяли достигать нужной большевикам производительности. Так, в 1933 году среднедневная норма бригады по производству папирос «Автодор» составляла 2 025 тысяч, а папирос «Балтиец» - 675 тысяч при 7-часовой рабочей смене. При перевыполнении задания на 103% и при снижении плановой себестоимости продукции каждый член бригады получал дополнительно до 25% от основной зарплаты. Премия бригаде выплачивалась 22-го числа каждого месяца за предыдущий месяц. Или должна была выплачиваться - так точнее, ибо при Советах отчеты и цифры утратили всякую объективность.

В 1930-е годы на фабрике К. Цеткин, как и на большинстве более или менее крупных предприятий СССР, выходила многотиражка - «Голос табачника». Тираж газеты был 1800 экземпляров, и работники фабрики обязаны были покупать ее по 5 копеек за экземпляр. Как и все тогдашние подобные издания, оно носило пропагандистский характер и было призвано настраивать работников исключительно на положительную динамику производства, ориентируясь на идеи светлого коммунистического будущего. Среди множества безликих стандартных материалов в глаза бросается статья, посвященная Ефиму Сковороде, который проработал на фабрике 50 лет. Рабочего премировали двухмесячным окладом, путевкой в санаторий, а дома ему установили радио.

В 1937 году на фабрике Урицкого приступили к производству сигар. С легкой руки Гоголя, их курил еще Хлестаков, но об этом после 1917 года как-то забылось. И о [сигарах](#) пришлось рассказывать как о диковинке: «Это, по существу, для большинства нашего населения продукт новый. Не зная о том, что сигарой не надо затягиваться или о том, что зажигаться она должна обязательно с обрезного конца - иначе развалится в руках, - курильщик, испытав неприятности, связанные с его неосведомленностью, может после первой неудачной попытки отказаться от дальнейшего употребления сигар».

Настоящий знаток сигар точно бы отказался, ибо технология их производства на этой фабрике по сравнению с тем, как это делали в предыдущем веке - предварительно растирая табачные листья на обнаженном бедре, - была упрощена до предела. Любителей сигар местного производства в СССР так и не завелось, хотя высокие чиновники и любили подыметь «гаваной» за высокими же кремлевскими стенами или у себя на даче, на террасе, о чем мечтал еще Илья Ильич Обломов.

Хочешь не хочешь, а задумываться над оформлением табачной продукции ее производителям приходилось. Такого разнообразия табачных изделий, которое существовало в старом, прокуренном не одним поколением ядреного «Жукова табака» Петербурге, - в Ленинграде, разумеется, не было, к тому же то, что выпускалось, советские курильщики покупали и так, не обращая особого внимания на то, красивая пачка или нет. Дядя Михей советской власти не понадобился.

Были, правда, и дорогие изделия, красочно оформленные, но в советском обществе было не принято «красоваться», да и денег лишних у большинства курильщиков не было, поэтому дорогая продукция составляла незначительную долю в общем объеме производства. К тому же печатники десятилетиями испытывали: нехватку сырья должного качества, и им приходилось довольствоваться «макулатурной» бумагой, которая иногда шла даже на папиросные мундштуки. Рабочий люд (шоферы, например), купив пачку папирос, перекладывали ее содержимое в металлический портсигар с серпом и молотом,

Табак и сигареты

«…Папирос дайте!» часть 2

иначе пачка, положенная в карман, тотчас превращалась в кулек с рассыпавшимся табаком. Остатки табака невозможно было извлечь из кармана никакими силами и подручными средствами, и тем более курильщики старались не привлекать на помощь жену, ибо можно было нарваться на ее неудовольствие.

В специальном журнале, посвященном табачной промышленности, в 1938 году отмечалось, что «внешний вид и качество пачечной бумаги почти всех фабрик непригодны для печатания этикеток литографским способом, а также для изготовления готовых пачек... Применение макулатуры, забитой клеем, грязью и углем, пропитанной смолой и маслом, неизбежно сказывается на готовой бумаге, а это, естественно, ухудшает внешний вид этикета, и, что особенно нетерпимо, препятствует получению нормальных оттисков».

На табачных фабриках обсуждались не только решения коммунистической партии, но, даже, случалось, и производственные вопросы - элементы упаковки, шрифт, орнамент и сюжетный рисунок; не забывали и о культурно-исторической особенности города, идеологических установках и тотальной цензуре, после чего рабочие материалы передавались на утверждение в наркомат.

Наркоматом, между тем, были предъявлены жесткие требования к оформлению табачных изделий: «Названия и этикет для папирос должны: а) быть легко воспринимаемы; б) быть легко запоминаемы и в) удовлетворять вкусам широкой публики. Поэтому при выборе названия и этикета необходимо найти лучший вариант удовлетворения вкуса публики; папироса с удачным названием и удачным этикетом сразу нравится, сразу запоминается и пользуется спросом со стороны широких масс. С другой стороны, массовое распространение папирос дает возможность при помощи этикета воздействовать на развитие художественного вкуса у потребителя. Однако это воздействие ни в коем случае не должно перерасти в самоцель».

Уму непостижимо, как предшественники ленинградских табачников умудрялись обходиться до 1917 года без подобной назидательной демагогии и при этом насыщать рынок яркими, красочными коробками, при оформлении которых было проявлено немало творческой фантазии, не скованной указаниями сверху, сбоку или снизу.

Первое время после 1917 года продолжали жить названия, завоевавшие популярность в предыдущие, богатые на выдумку и широкий ассортимент разнообразных товаров годы шапошниковские «Тары-бары», «Добрый молодец», прославленный ценителями продукции «Лаферма». В 1920-е годы им на смену пришли папиросы «Сафо» 2-й Государственной табачной фабрики, «Смычка», символизировавшие «союз рабочего класса и трудового крестьянства», «Красная звезда» с двумя инертными красноармейцами на этикете (фабрика им. Урицкого) - один за рулем мотоцикла, другой в мотоциклетной коляске, «Северная Пальмира», «Нева»; потом появились «Трактор», «Совет», «Блюминг» и даже «Шарикоподшипник»!

Во второй половине 1930-х годов, в эпоху «больших строек», советские курильщики получили марку папирос, затмившую все другие на долгие десятилетия - «Беломорканал». Если человека - курящего, не курящего, неважно спросить, какие ассоциации у него вызывают слово «папиросы», он непременно скажет: «Беломор». Вот это, говоря современным языком, брэнд! Беломорканалу, таким образом, посвятили не только книгу, хотя бы поддержать в руках которую до сих пор мечтают многие библиофилы (Беломорско-Балтийский канал имени И. В. Сталина. М., 1934), но и лучшую марку папирос. А поколения курильщиков отдали за него свою жизнь.

Художники фабрики им. Урицкого, где впервые в 1937 году начали производить эти папиросы, прочертили на папиросной коробке с изображением географической части Европы и Средиземноморья трассу сооруженного в 1933 году руками зэков Беломорского канала, помельче обозначив крупнейшие

Табак и сигареты

«#8230;Папирос дайте!» часть 2

зарубежные каналы, появившиеся намного раньше советского, - Кильский (в Германии, соединяет Балтийское и Северное моря, построен в 1895 году) и Суэцкий (открыт в 1869 году). Спустя полтора десятка лет на коробке осталась только карта европейской части СССР, а к Беломорскому каналу прибавился очередной искусственный водный путь - Волго-Донской канал им. Ленина (открыт в 1952 году) и канал им. Москвы (до 1947 года - канал Москва-Волга). На коробке папирос в конечном итоге остались упомянутыми три канала - «Беломорский», «Им. Москвы» и «Волго-Дон». Эта карта изучена не одним поколением курильщиков, да, наверное, и многими некурильщиками, которым случилось полюбоваться «замечательной картинкой».

В дальнейшем производство «Беломорканала» было налажено на десятках советских табачных фабрик - от Молдавии до Сибири и Средней Азии; завоевавшие невиданную популярность [папиросы](#) пользуются огромным спросом и в наши дни, а иностранцы уже не одно десятилетие изумляются, как можно курить такое. Наши это не смущает. По некоторым источникам, четыре процента российских курильщиков просто не признают ни легких папирос, ни сигарет с фильтром, - по причине дешевизны, по идейным соображениям, ну, и, разумеется, в силу привычки (какой нее курильщик без нее) - и отдают предпочтение куреву, ставшему в СССР культовым.

«Беломор» фабрики Урицкого, по мнению знатоков, всегда отличался от «Беломора» других фабрик, ибо считался «настоящим». Говорили - «затянулся урицким» - и все ясно. В общежитиях всей страны на «Беломор» Урицкого играли в карты чаще, чем на деньги. «Беломор» - не просто отражение эпохи великих строек и грандиозных жертв; это - отличительная черта, характерная примета, «марка» огромного промежутка времени, известного как «советское». «Беломор» такой же «советский», как полет человека в космос, Чернобыль, как «Столичная» водка, автомат Калашникова, как все достижения и неудачи страны под названием СССР.

А папирос, между тем, в пачке двадцать пять штук, а не двадцать - если курить по одной в день, так почти на месяц хватит, особенно если этот месяц - февраль, но кто же такое удовольствие будет на месяц растягивать? Пачка в день - вот доза настоящего любителя «Беломора»! Далее шоферы-дальнобойщики, большие охотники подержать в зубах беломорину (руки-то заняты), и те не ограничивают себя ни в удовольствии, ни в привычке.

Поклонников «Беломора» можно смело разделить на две группы: представители первой отрывают уголок пачки и потом как бы скручивают ее в трубочку по мере уменьшения. Другие открывают пачку сразу и извлекают из нее первую попавшуюся папиросу. Приверженцев «Беломора» можно разделить и по другому принципу по тому, как одни, прежде чем закурить, дуют в мундштук (раньше его называли еще и «куркой»), а другие постукивают по коробке, чтобы вытряхнуть попавший в мундштук табак. Некоторые еще и слсимают пальцами мундштук, делая своего рода фильтр или создавая помеху дыму, который предстоит запустить в легкие. А есть и такие, кто сжимает мундштук дважды, крест-накрест. Вот сколько возможностей к собственной трансформации таит в себе обыкновенная, на взгляд непосвященного, папироса! Главное для [папиросы](#) - попасть в руки настоящего поклонника и ценителя, и крепкий союз - без измен, скандалов, упреков и подозрений - обеспечен на десятилетия. Одно сплошное удовольствие!

Оформление пачек «Беломора» (а также популярных в свое время «Севера», «Байкала», «Прибоя») было весьма неказистым и не требовало сколько-нибудь значительных затрат. А вот «Казбек» в твердой картонной упаковке выглядел солиднее; эти [папиросы](#) курили представители высшего звена советской номенклатуры.

В 1930-е годы на Ленинградской государственной табачной фабрике им. К. Цеткин начали выпускать... лечебные [папиросы](#) «Астматол» из лиственной травы под названием «дурман» (выпускались несколько десятилетий). Дело, меж тем, шло к войне не только с астмой, но и с совсем другим врагом, и на фабрике

Табак и сигареты

«Папирос дайте!» часть 2

наладили выпуск папирос «Краснофлотские», «Борцы», «Охотники», «Боевые». Иногда на фабрике случайно перемешивали табаки, но потребители этого не замечали - все эти папиросы были в принципе одинаковые на вкус, лишь пачки разные.

В декабре 1940 года на фабрике Цеткин прошла дегустация папирос собственного изготовления, и первое-третье места заняли «Борцы», «Прибой» и «Дели», а сталинская «Герцеговина Флор» не попала в тройку призеров, уступив даже «Боевым» (время было боевое). Среди сигарет первые два места заняли «Прибой» и «Дели».

В феврале 1941 года на этой фабрике выпустили папиросы «Делегатские» - для делегатов XVIII Всесоюзной партийной конференции, а также приступили к выпуску папирос «Дерби», «Палехский Баян» (отличались качеством оформления, но не содержания); ко Дню международной солидарности трудящихся появились «Первомайские». В мае задумали было порадовать советского курильщика тонкоформатными папиросами «Сулико» и «Звездочка», но до 22 июня оставалось меньше месяца...

На фабрике им. Урицкого в 1940 году выпускались папиросы «Гачанка», «Ракета», «Спорт». В среднем дневная норма составляла 250-255 тысяч папирос. «Дадим 1 миллион папирос в день!» - с таким устрашающим (с точки зрения противников табака) лозунгом вышел один из последних номеров многотиражки «Красная табачница». Кстати, непонятно, почему многотиражка фабрики, носившей женское имя, называлась «Голос табачника», а фабричной газете, рупору фабрики с мужским именем, дали название «Красная табачница».

В 1941 году пришлось притормозить с миллионом, так как потребители «урицкого» стали жаловаться на качество товара, и в одной из городских газет даже появился такой стишок:

«Звездочку» в киоске я купил,

Дым глотнул,

дымок необычайный, вкуса тухлой редьки и чернил.

Вечером с приятелем собрались. Точный мы произвели анализ внутренности горьких папирос. Мы работали без микроскопа, но нашли букетики укропа, пакли пук и завитки волос.

В одном из выступлений главный инженер фабрики П. И. Эбер заявил: «В 1941 году фабрика должна работать так, чтобы потребитель сказал:

...от Ленинграда

до Турксиба плотники,

танкисты,

слесаря -«Фабрике Урицкого - спасибо!» -говорили,

«Звездочку» куря.

Молсет, кто-то и говорил спасибо, «Звездочку» куря, но проколы в работе случались чаще, чем хотелось бы: то забыли доложить папиросы в пачках (сортировщицы раскладывали их по пачкам руками, захватывая разом ровно 25 штук, но ровно не всегда получалось даже у передовиков производства), то случайно напечатали на пачках «Норда» «Нордер». А потом в свет выпустили

Табак и сигареты

«#8230;Папирос дайте!» часть 2

[папиросы](#), запомнившиеся только названием - «Альпениада». Впрочем, разве такое название запомнишь, даже если вчера эти [папиросы](#) покупал...

Но прежде чем продолжить рассказ о советском куреве и курильщиках, вспомним, каково было положение в Ленинграде на табачном фронте в годы блокады.